

Александр Мильчаков

«Писать все-таки надо...»

Страницы рукописи

Александр Мильчаков. В четырнадцать лет - член Социалистического Союза рабочей молодежи. В шестнадцать - большевик. В 1919-м его избрали секретарем Пермского губкома комсомола, а вскоре секретарем Сиббюро ЦК РКСМ. Популярность Мильчакова среди молодежи росла с каждым годом. В 1928 году его избирают Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. С 1931 года он на ответственной партийной работе в аппарате ЦК ВКП(б). С 1932-ГО ПО 1938 — на руководящей работе в золотодобывающей промышленности СССР. В конце 1938 года он арестован по клеветническому обвинению. Почти шестнадцать лет - в Норильском и Магаданском лагерях... В 1954 году А. И. Мильчаков полностью реабилитирован. ...

Я часто просматриваю большой семейный архив, сохранившийся у нас в доме после дедушкиной кончины. В ящике письменного стола среди других документов хранится толстая общая тетрадь в коричневом переплете. Это неопубликованная рукопись Александра Ивановича, над которой он работал в 60-х годах. На одной из страниц такая запись: «Когда приходится иной раз поделиться с близкими товарищами или родными людьми «кусочками» воспоминаний о пережитом, слышишь замечания: тебе подобные события, встречи, сцены надо записать... - Но ведь они не будут опубликованы! - Пусть, вставь их для будущих исследователей, для внуков... - Значит, писать все-таки надо.»

С разрешения семьи я взяла на себя смелость подготовить публикацию из неизвестных записей Александра Ивановича Мильчакова.

Наталья Мильчакова

опубликовано в номере [№1466, июнь 1988 журнала «Смена»](#)

* * *

24 апреля 1954 года я был полностью реабилитирован и смог вернуться в Москву. С тех пор, как я ее «покинул», минуло без малого 16 лет. Я был арестован в день рождения Сталина в декабре 1938 года по ордеру, подписанному Берия и Вышинским и по официальной санкции Л. Кагановича, бывшего тогда народным комиссаром тяжелой промышленности и секретарем ЦК партии.

Военной коллегией Верховного Суда СССР я был осужден сроком на 15 лет заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. После осуждения в мае 1939 года этапирован в Норильский заполярный лагерь. Во время этапа два месяца мы находились под Красноярском на пристани в Злобине, где загружали баржи грузами для Норильского строительства. Осенью работали грузчиками в порту Дудинка. В октябре нас перевели в Норильск, где я попал в бригаду подземных рабочих на угольную шахту «Шмидтиха» откатчиком.

5 ноября нас в числе 20 человек, в морозный день, пешком отвели в штрафной лагерный пункт «Коларгон», находившийся в тундре в 18 километрах от Норильска, чтобы там расстрелять.

В числе обреченных на казнь были: сопроцессник Димитрова по Лейпцигскому процессу, бывший секретарь ЦК Болгарского комсомола и член Политбюро Болгарской компартии Благой Попов, заместитель наркома пищевой промышленности СССР Чигринцев, член коллегии Наркомфина СССР Петр Четвериков, начальник Главного управления соляной промышленности СССР Никита Куликов, посол СССР в Румынии Островский, консул в Скандинавских странах, бывший ранее секретарем губкома комсомола на Волге Владимир Фишер, бывший первый секретарь Ереванского горкома партии Абел Ордуханян, бывший секретарь Казанского горкома партии Абдулла Юнусов, профессор истории Сергей Дубровский, профессор права Леонид Гинзбург, профессор права Петр Климов и другие.

Две недели мы ждали расправы. От нас этого особенно и не скрывали. У нас отобрали одежду, одели в тряпье. Нам предложили заказать перед смертью «пожрать и накуриться вдоволь», послав в Норильск подводу за продуктами и табаком. У меня и Куликова личных денег нашлось только на пачку махорки и пачечку курительной бумаги... Приставленный к нам в помощь охране и лагерной администрации комендант из уголовников узнал меня. Он был в Невьянске на Урале старостой старательской артели, когда я в 1937 году посещал невяньские золотые прииски. Комендант сказал мне на ухо: «Батя, вас привезли «на шлепку», мне это точно известно...» И сунул мне в карман бушлата пачку папирос.

Спас нас начальник Норильского строительства и лагеря А. П. Завенягин. Он выждал две недели, а потом вразрез с «директивой центра», под свою ответственность приказал вернуть нас в Норильск. Эта готовившаяся бессудная расправа над нами вызвала много разговоров в лагерях, производительность труда в бригадах заключенных упала.

В Норильске с конца ноября нашу бригаду бросили на земляные работы — копать котлованы под фундаменты большого металлургического завода. Многие товарищи погибли в Норильске от аварий, цинги, абсцесса легких, от непосильного физического труда...

В 1948 году из Норильска (через Москву) я был переброшен в Магадан.

Об этой поездке — самолетом и в мягком вагоне — в дальнейшем я расскажу подробно. Привезли меня тогда в Москву по велению Сталина. И увезли через три месяца в Магадан тоже по взмаху сталинской руки. Берия доложил Сталину, что Мильчаков «ничего не понял, хотя и отсидел десять лет, — себя считает ни в чем не повинным, а виноватыми посадивших его». Сталин тогда махнул рукой...

В Магадане я попал в лагерь для каторжан. Заключение в этом лагере находились на тюремном; режиме, на одежде носили номера: на спине, на ноге, выше колена, на головном уборе, на лбу. Там меня «стукнул» первый инфаркт.

Работал я там, перед выходом «на вечное поселение», бригадиром бригады землекопов.

На почте пришли в замешательство: вручать ли мне телеграмму о моей реабилитации, полученную в Магадане открытым текстом. «Этакий случай впервые». Затем состоялся мой разговор по телефону с Москвой, с семьей. Волнение мое и семьи описать трудно. Разговору участливо помогали две телефонистки, московская и магаданская.

Последнее посещение спецкомендатуры Министерства госбезопасности в Магадане. И физиономии спецкомендантов выглядят иначе, и разговор ведется на «вы». Начальник Дальстроя «всесильный» чиновник Митраков говорит о готовности содействовать моему скорейшему выезду в Москву, тогда как до этого он заботился о превращении меня в безработного, как только ему становилось известно, что я устроен в какой-либо цех экономистом, нормировщиком или калькулятором...

Я получаю вне очереди билет на прямой рейс самолета Магадан — Москва, а через два дня семья встречает меня на Внуковском аэродроме.

Семья была выселена из дома на ул. Серафимовича в маленькую комнату в Малом Харитоньевском переулке. Сюда меня не прописывали «на площадь жены», так как, по обычаю многих в начале

двадцатых годов, мы с Марусей не регистрировали брака. Пришлось нам пойти в загс и оформить брак.

В парткомиссии Московского Комитета партии, куда мы с Марусей пришли с заявлением о восстановлении меня в правах члена партии, мне предложили принести отзывы хотя бы от двух или трех знающих меня старых членов партии. Через два дня я принес в парткомиссию пятнадцать отзывов коммунистов и спросил: «Надо ли продолжать эту кампанию по сбору рекомендаций?»

Я был восстановлен членом партии со стажем с 1919 года, но с указанием перерыва: «с 1942 года по 1954 год». Почему с 1942 года? Выходит, в лагере я был членом партии? Меня «догадались» исключить из партии только в 1942 году, хотя партийный билет изъяли при обыске и аресте в декабре 1938 года.

Потом мне вернули орден Ленина. На ордене — старый номер: 942. Мне передавали, что Ворошилов, подписывая Указ о возвращении мне ордена, уронил старческую слезу: «Жив, оказывается, Мильчаков-то!»

Управление делами ЦК партии предоставило мне и моей семье квартиру в новом доме, выдало пособие на лечение и отправило меня и Марусю в санаторий.

В Комитете партийного контроля при ЦК КПСС со мной подробно беседовали товарищи Разуваев и Алексеев. Они попросили меня передать Марусе привет как «настоящей коммунистке, которая не отреклась от мужа, а открыто боролась за его реабилитацию и всегда не скрывала своей связи с ним и веры в его невиновность».

А лечиться нам обоим было очень нужно. Что касается моих хворей, то нервы были истрепаны, сердце пережило инфаркт, и кровяное давление было последние годы очень высоким.

После длительного лечения, через семь месяцев, меня пригласили в Центральный Комитет партии и спросили: готов ли я приступить к работе? Я ответил: «Конечно, да». Мне предложили сперва работу заместителя начальника Главзолото или заместителя начальника Главникелькобальта.

В Главзолоте начальником работал Воробьев, бывший в годы моей работы в главке беспартийным экономистом планового отдела. Он был смущен предложением о моем возвращении в золотую промышленность. Я и не стал его «смущать», да и «в комнате повешенного не говорят о веревке»...

А в Главникелькобальте получили назначение Панюков и Зверев, работавшие в Норильске, когда я там сидел в лагере. «Зачем мне идти в главк, где будут хозяйничать начальники лагеря, в котором я сидел долгие годы?»

В ЦК со мной согласились. И по моей просьбе дать мне работу, связанную с воспитанием молодежи, направили в Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР на должность начальника Управления политико-воспитательной работы, где я и проработал год. Много ездил, посещал учебные заведения, страшно волнуясь, заново привыкая к трибуне, к публичным выступлениям.

Как-то днем раздался телефонный звонок:

— Здравствуй, Саша! Говорит Фадеев.

— Какой Фадеев?

— Нехорошо, друг, не узнавать. Как-никак я отгрохал «Молодую гвардию»...

— А, здравствуй, дорогой. Рад слышать твой голос. Откуда?

— Из бюрократической канцелярии Союза писателей. Приехал на заседание секретариата. На днях заеду за тобой. Мы уедем ко мне за город и хорошо поговорим. Ох, есть о чем поговорить, милый ты человек!

— Я очень, очень рад, Саша, быть твоим гостем...

— Я звоню тебе, чтобы сказать: это — счастье, что ты жив. Недавно за городом я встречался с Молотовым и Ворошиловым. Заговорили о тебе. Отзывались с похвалой. Ворошилов рассказал, что ты вернулся, что он подписывал Указ о возвращении тебе ордена. Молотов вспоминал, как при поездке на Урал в 1938 году играл с тобой в вагоне в домино и ты не раз выигрывал... Вспоминать-то вспоминали и отзывались с похвалой, а встретиться до сих пор не удосужились. Ты бы им рассказал «почем фунт лиха». стыдно им должно быть, если стыд они вовсе не утратили...

— Саша, дорогой! Встретимся, поговорим...

— Обязательно встретимся. Мне надо видеть тебя, слушать тебя и самому выговориться. А они, вожди, с позволения сказать, так и не пожелали встретиться, а ведь отлично знают, что ты вернулся, лечился и стал теперь работать где-то с ремесленниками и фабзавучениками.

Фадеев прибавил к этим словам резкую характеристику поведения Молотова и Ворошилова, что им, видно, не по душе возвращение людей «с того света», людей, к расправе над которыми они приложили руку.

Не пришлось нам с Фадеевым встретиться. В марте 1956 года я лежал пластом в Кремлевской больнице после повторного инфаркта. Оказывается, этажом ниже лежал Фадеев. Я пробыл в больнице до июня. Фадеев оборвал свою жизнь сам...

В начале февраля 1956 года меня пригласил в Кремль А. И. Микоян.

Около шести часов. Иду по коридору резиденции правительства. Прохожу мимо двери с дощечкой: «Л. М. Каганович». Мелькнула мысль: вот бы отворить дверь и сказать этому трубадуру культа личности, этому иезуиту и политикану, пославшему на пытки и казни тысячи честных людей: «Вернулись с того света жертвы произвола, они станут твоими обвинителями...»

Вхожу к Микояну. Анастас Иванович устремляется навстречу, крепко обнимает, целует.

— Мы запрашивали чекистов, нам сказали - ты расстрелян, тебя давно нет в живых. А вчера у меня были товарищи, сказали: Мильчаков вернулся из заключения и работает где-то нормировщиком на стройучастке...

— Это в Магадане я был нормировщиком на стройучастке, а здесь — я начальник Управления воспитательной работы в главке трудовых резервов...

— Сколько человек в твоём управлении?

— Двадцать вместе со мной.

— Нашли работу для Мильчакова, — рассмеялся Микоян.

— Мы говорили с Хрущевым о твоём возвращении. Почему сразу, как вернулся, не пришел к нам в ЦК, даже не позвонил?

— После всего происшедшего не хотел быть навязчивым. А сейчас вдвойне рад вашему приглашению встретиться.

— Чем тебе помочь? Как семья, все ли живы, здоровы? Как здоровье жены? Я ее помню еще по Ростову, когда вы поженились.

— Ничего не надо, все в порядке, мне вернули партбилет, орден, дали квартиру, помогли с лечением, теперь я работаю.

И тут я перешел к главному в нашей беседе:

— Скажите, с чем вы, ЦК, идете на партийный съезд? Будет ли опубликовано «Завещание Ленина»? Сталин спрятал «Завещание Ленина», неужели вы не скажете съезду обо всем?

— Это не так просто. При Сталине было принято решение, по которому сейф, где хранится «Завещание Ленина», может быть вскрыт при условии единогласного об этом решения ЦК. Хрущев поставил этот вопрос. Пока единогласия не получилось. Есть в президиуме ЦК люди, которые как огня боятся правды о Сталине...

— Вместе с вами, Анастас Иванович, я был на XIII съезде партии. Дальше откладывать оглашение завещания Ильича было нельзя. И тогда «Завещание Ленина» читалось на собраниях делегаций. Помните, как это было?

— У тебя хорошая память, — заметил Микоян. — Но учти, на съезд соберутся люди, в большинстве воспитанные и выдвинутые при Сталине. Это не ты и не я. Подавляющее большинство ленинских кадров партии уничтожены при Сталине...

— А вопрос о произволе и попрании ленинских принципов Сталиным и его приспешниками все равно ставить надо. Без этого не может быть движения вперед. Я работаю всего один год, а ездил во многие города и встречался со многими людьми. Речь идет о том, что надо заново восстановить доверие к руководству...

— Восстановить доверие? Ты так ставишь вопрос? Разве массы нам не доверяют? — быстро реагировал Микоян.

Мне не хотелось нарушать установившийся контакт и взаимное понимание в беседе. Я поспешил поправить себя:

— Ну хорошо. Пусть не восстановить, а вновь укрепить доверие к руководству. Ведь неоспоримо, что в тяжкие годы сталинского культа и бесконечного произвола доверие к руководству было подорвано. Сталин держал массы в страхе и трепете. А сам создавал себе опору в выдвинутых им кадрах, задаривал их премиями, постами, наградами, подкупал их материальным благополучием — дачами, автомашинами, роскошными квартирами, непомерно высокой заработной платой. Ну к чему теперь, к примеру, сохранять эти «сталинские конверты» со второй зарплатой, с которой даже партийные взносы не берутся?

Есть у нас Молдавское управление трудовых резервов. В нем всего тринадцать учебных заведений. А заместитель начальника по

воспитательной работе, кроме оклада, который и без того превышает размер зарплаты квалифицированного инженера, получает еще «конверт», еще второй оклад, так заведено. Зачем?

Микоян рассказал, что Хрущев собрал высокое совещание и поставил вопрос о ликвидации «конвертов» и высоких окладов.

— Ты бы видел, какую бучу подняли высокопоставленные деятели! Они, видишь ли, считают, что Хрущев идет в хвосте «отсталых настроений масс». Сталин дал, а Хрущев хочет отнять. Но должен тебе сказать, Хрущев — очень упорный человек. Все равно этот вопрос будет решен. Для начала мы срежем «конверты» наполовину, а потом отбросим совсем.

Микоян рассказал о ряде мер, получивших после съезда, свое решение. Речь шла о подтягивании заработной платы низкооплачиваемых тружеников, о сокращении рабочего дня, о прекращении выпуска займов за счет средств трудящихся, о постепенном снижении налогов. Затем Микоян остановился на вопросе о ликвидации последствий беззаконий и репрессий, творившихся при Сталине.

— Президиум ЦК создал комиссию для выяснения вопроса: куда девался съезд победителей, Семнадцатый съезд партии? Ведь не случайно две трети делегатов съезда и Центрального Комитета были перебиты Сталиным. Я возглавляю еще одну комиссию по ускорению процесса реабилитации людей, томящихся до сих пор в лагерях и в ссылке. Мы решили послать во все лагеря комиссии центра. Пусть быстро рассмотрят на месте дела всех живых, пусть освободят всех невиновных. А чтобы сделать это вернее, включим в каждую комиссию по одному реабилитированному товарищу. Как ты, войдешь в такую комиссию? Вас уж никто не обманет!

Микоян упомянул, что ЦК создавал комиссию по вопросам реабилитации некоторое время тому назад. Комиссия не выполнила поручения, в ней были люди, заинтересованные не в реабилитации невинных людей, а в замазывании преступлений прошлого.

Тут я поднял вопрос, который меня мучил:

— Вы сами сказали, Сталин сколачивал свои кадры, свою опору. Эти кадры остались, они сидят в аппаратах в центре и на местах. Они будут саботировать новое, сопротивляться, мешать скорейшему восстановлению ленинских норм жизни партии и государства...

Микоян поспешил заявить: «Это не страшно. Преодолеем. Ты не знаешь, а мы выгнали из МГБ и МВД ряд генералов и полковников,

бериевских последышей, некоторых исключили из партии, отдали под суд».

Мне до сих пор кажется, что Микоян понял меня, но не стал углублять этот больной вопрос. Тем более тогда и Хрущев, и Микоян не отважились на смелое и последовательное обновление и омоложение кадров, прежде всего партийного аппарата.

— Скажи, тебе партийный стаж восстановили с указанием перерыва?
— спросил Микоян.

— Да, с перерывом, — ответил я.

— Это же неправильно! — воскликнул Микоян.

— Конечно, неправильно, но так велели вы сами, Президиум ЦК. Хотя эту установку вы сами и нарушаете. Вы велели не указывать перерыва в стаже двум моим хорошим знакомым — Снегову и Шатуновской. Между тем они, как и я, как и другие реабилитируемые товарищи, не по своей вине были оторваны от партии и находились в этом отношении совершенно в одинаковых условиях с другими.

Микоян предложил мне завтра же дать ему заявление в ЦК по этому вопросу, адресованное Н. С. Хрущеву, что мною и было выполнено.

Говорили мы еще о воспитании молодежи, о том, что культ Сталина тяжело отразился на работе комсомола.

Анастас Иванович очень тепло отозвался о Хрущеве, его энергии и желании отдать все силы восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Микоян вернулся к вопросу о моей работе в Главном управлении трудовых резервов, со смехом спрашивая:

— Так ты, стало быть, и художественной самодеятельностью фабзавучеников тоже занимаешься?

Я ответил, что с охотой занимаюсь и этим делом.

— Пройдет съезд, встретимся снова. Мы с Хрущевым уже говорили об этом. Решим вопрос о настоящей работе. А на съезде ты будешь...

Он позвонил. Явился его главный секретарь Барабанов.

— Узнаешь Барабанова? Седой стал совсем. Барабанов — единственный уцелевший референт у членов Политбюро ЦК. Пережил все невзгоды. Видишь какой!

Микоян ласково улыбался. Когда мы расставались, он передал привет Марусе.

Недели через две я был вызван в ЦК, в организационную комиссию по подготовке XX съезда. Мне было сказано, что я получу билеты на все дни съезда. Билет на первый день был вручен тут же. Расписался в получении билета я в отдельном списке. Там было только пять фамилий реабилитированных товарищей: Шатуновская, Чудинова, Осипов, Снегов, Мильчаков. Вскоре настали волнующие дни съезда.

Микоян был прав: на съезде из 1200 делегатов только человек восемьдесят были со стажем до 1920 года. Я как-то сиротливо смотрел по сторонам. Это хорошо, когда растут новые кадры партии. Но как же выкосил Сталин старую ленинскую гвардию!

В перерыве встретился с Артюхиной, Гопнер и Вишняковой. Растроганно обнялись, расцеловались. Вижу бывших членов ЦК Ростопчина, Кривова, Богданова. Мало, мало.

Ночью, перед последним днем съезда, меня «хватил» второй инфаркт. О предстоящем докладе Хрущева я знал. Знал, что он будет говорить специально о культе личности Сталина и о ликвидации последствий культа. Рассказывали мне потом, какое потрясающее впечатление произвел доклад Хрущева и оглашенные им документы. А ко мне уже являлись только врачи.

В больнице меня навестила Оля Шатуновская, рассказывала о докладе Никиты Сергеевича.

Алексей Снегов притащил красную книжечку с докладом Хрущева, и я с несказанным волнением читал стенограмму, пряча ее от врачей и от Маруси, которые знали одно: «больного нельзя волновать». Я читал, волновался и радовался торжеству справедливости и развенчанию неслыханного злодейства.

С осени 1956 года я был вынужден по совету врачей оставить работу и уйти на пенсию. Тогда же и Марусе, как и мне, установили персональную пенсию. 1957 год я целиком посвятил созданию книги «Первое десятилетие». До выхода книги в 1959 году ее основное содержание было напечатано в журнале «Юность» в №№ 4, 5, 6 за 1958 год. Книгой своих воспоминаний о комсомоле первого десятилетия я хотел выполнить свой партийный долг — воздать должное памяти многих погубленных в годы сталинского произвола товарищей и вместо безликой истории, писавшейся в угоду Сталину, дать очерк правдивой истории комсомола. В моей книге названа не одна сотня имен, среди которых девяносто реабилитированных, имена которых замалчивались. Это и Постышев, и Косиор, и Якир, и

Гикало, и Калмыков, и Такоев, это целая плеяда славных имен деятелей юношеского движения, ставших достоянием подлинной истории комсомола: Рывкин, Смородин, Чаплин, Косарев, Тарханов, Шохин, Юровская, Хитаров, Чемоданов, Голуб, Холохоленко, Курбанов, Евсеев, Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Андреев, Иванов и многие другие.

В эти годы в связи с сорокалетием комсомола я писал много статей и очерков в газеты и журналы, выступал на собраниях.

3 января 1961 года отнес в Центральный Комитет партии заявление, передав его члену Комитета партийного контроля О. Г. Шатуновской.

В заявлении я писал следующее:

«XX съезд партии, заслушав доклад тов. Хрущева Н. С. о культе личности и его последствиях и одоблив доклад, поручил ЦК последовательно обеспечивать полное преодоление последствий культа личности.

В постановлении ЦК от 30 июня 1956 года сказано, что большой вред делу социалистического строительства нанесла ошибочная формула Сталина о том, будто по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться. Эта формула была выдвинута на первый план в 1937 году и послужила на практике обоснованием грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий, в результате чего были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди.

Партия разоблачила и покарала преступную банду Берия — проводника линии Сталина, лично контролировавшего органы госбезопасности.

Но партия не сказала своего осуждающего слова о некоторых прямых и злонамеренных пособниках Сталина, Ежова и Берии, — писал я, — о тех, кто восхваление Сталина и раздувание культа его личности сделал в свое время основным принципом своей деятельности.

Я имею в виду зловещую фигуру Л. Кагановича. Не случайно Л. Каганович вместе с другими участниками антипартийной группы выступил против линии партии, определенной XX съездом. Пленум ЦК в июне 1957 года отметил противодействие курсу на устранение тяжких последствий культа личности, проводимое этой группой. Л. Каганович упорно сопротивлялся мероприятиям ЦК по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности. Он боялся дальнейших разоблачений его собственной преступной

деятельности. Он не хотел видеть новой обстановки и остался реакционером, вставшим на путь интриг, тайного сговора против ЦК, смены руководящих органов партии, возврата к старому, к методам и приемам, осужденным XX съездом.

Упиваясь своей властью над людьми, Каганович безжалостно и преступно играл судьбами людей и их семей, отдавая тысячи невинных на растерзание бандам Ежова и Берия.

Помню, как на заседании коллегии Наркомтяжпрома Каганович обрушился на тов. Мирошников, проработавшего начальником Главалюминия месяца три или четыре. Он ни в чем конкретно его не обвинял. Он только кричал общие фразы, угрожающе двусмысленные. Все расходились после заседания подавленные: «Значит, Мирошников он посадит». Так и вышло. Мирошников был арестован по прямому требованию Кагановича.

В Главзолото прислал письмо Д. Булатов, за месяц до этого снятый с поста первого секретаря Омского обкома партии. Булатов просил меня дать ему хотя бы небольшую работу где-нибудь на прииске. Я хорошо знал Булатова, работал его заместителем в оргинструкторском отделе ЦК партии. Булатов избирался в состав ЦК и КПК ВКП(б). Я пошел с письмом Булатова к Кагановичу. Каганович раздраженно взял письмо: «Не ставьте передо мной таких вопросов!» Булатов завтра же был арестован.

Управляющий трестом «Алтайзолото», бывший комсомольский работник, лично принятый и утвержденный Кагановичем, не проработал и месяца, как был арестован. Он успел прислать письмо Кагановичу, молил его спасти от ареста, как ни в чем не повинного. Я обратился к Кагановичу. Он опять с раздражением прикрикнул: «Что вы хлопчете? Арестован, и все. НКВД знает, что делает».

Мною названы отдельные имена. Теперь эти товарищи реабилитированы полностью. Но большинство реабилитированы посмертно. Их семьи автоматически преследовались, ссылались, выбрасывались из квартир, лишались работы, дети превращались в бесприютных запуганных сирот, хворали, умирали...

Можно ли пройти мимо загубленных жизней, слез и крови тысяч советских людей, преданных большевиков, создававших партию и комсомол, строивших и защищавших Советскую власть, всегда верных знамени Ленина, — пройти мимо и не покарать виновников этих ужасов произвола и самовластия?

Наш долг состоит, в том, чтобы сделать все исключаящее повторение подобных преступлений. Не могут виновники оставаться

безнаказанными. Виновны не только Сталин, Ежов, Берия и следователи, умевшие «быстро прихлопнуть» жертву. Виновен и Л. Каганович, и не только косвенно, но и прямо. И не прикрыть ему своих преступлений в период расцвета культа Сталина и массовых репрессий какими-то позднейшими принципиальными разногласиями. Рядом со Сталиным, в тесном сотрудничестве с Ежовым и Берия Л. Каганович давно стал беспринципным политиканом, двуличным человеком, интриганом и фракционером.

Вот почему я считаю необходимым поставить перед ЦК вопрос о привлечении Л. Кагановича за его злодеяния к партийной ответственности».

На XXII съезде партии делегаты выразили волю коммунистов, волю народа, потребовав изгнания из рядов партии тех, кто виновен в злодейском истреблении ленинских кадров коммунистов.

В преддверии XIV съезда ВЛКСМ мне довелось совершить увлекательное, романтическое путешествие в свою комсомольскую юность. По приглашениям областных и городских комитетов ВЛКСМ я побывал в Перми, Свердловске и Кирове, где проходили первые годы моей работы в комсомоле. Затем поехал в Ленинград, где часто бывал в годы своей работы в ЦК комсомола.

Я видел внимательные молодые лица — и славная, милая, светлая комсомольская юность вновь возвращалась ко мне. Обращаясь к молодым слушателям, я не мог не сказать: «Это же счастье для коммуниста — шагать в рядах первых комсомольцев в боевом восемнадцатом году и сегодня, в 1962 году, спустя более сорока лет, участвовать в работе комсомольских конференций!..»

Где бы мне ни приходилось выступать во время этих поездок, всюду молодежь живо интересовалась материалами XXII съезда партии, забрасывала вопросами о культе личности.

В многочисленных записках, полученных во время выступлений, меня просили: «Расскажите о «деле» Косарева, о Смородине и Чаплине». «Верно ли, что вы находились в заключении шестнадцать лет?»

Я рассказывал, что в 1938 году проходил пленум ЦК комсомола. На пленум явились Сталин, Молотов, Жданов и Шкирятов. Секретарей и членов ЦК комсомола обвинили во вражеских замыслах, а они были честными коммунистами. Никакие объяснения оклеветанных товарищей во внимание не принимались. Торжествовала черная клевета и всеобщая подозрительность.

Тотчас после пленума были арестованы не только секретари ЦК ВЛКСМ, но и почти все члены ЦК комсомола, многие секретари областных и краевых комитетов, почти все участники пленума.

В период культа личности Сталина были репрессированы все первые секретари ЦК комсомола двадцатых - тридцатых годов: Оскар Рывкин, Лазарь Шацкий, Петр Смородин, Николай Чаплин, Александр Косарев, секретари ЦК ВЛКСМ Тарханов, Юровская, Фейгин, Цейтлин, Шохин, Иванов, Шаровьев, Рахманов, Файнберг, Андреев, Салтанов, Лукьянов, Пикина, Матвеев, Соболев.

Все они — честные большевики, выдающиеся работники, имена которых вошли в историю комсомола, теперь реабилитированы, большинство посмертно.

Молодежь спрашивала меня: «Как отразился культ личности на комсомоле?»

В годы распространения культа личности был нанесен тяжелый ущерб делу ленинского воспитания молодежи. Массовые репрессии вели не только к физическому уничтожению или заточению в тюрьмы одних, но и преследовали цель запутать, застрашать остальных. В повседневной работе комсомола укоренялись такие методы, как голое администрирование, чрезмерная регламентация деятельности низовых организаций, замазывание недостатков, парадность и шумиха. Умалялась роль актива и значение организаторской работы в массах молодежи, порождались отвратительные явления угодничества, карьеризма, бюрократизма. Пропагандистская работа в комсомоле сводилась в значительной степени к заучиванию сказанного или написанного Сталиным, к бесконечному его восхвалению.

Култ личности гасил живую мысль и сковывал самодеятельность молодежи; это противоречило ленинскому подходу к организациям молодежи, ленинским принципам руководства юношескими массами...

...Комсомолом немало сделано для ликвидации последствий культа личности. Активность и творческая инициатива молодежи возросли. Но последствия культа, так тяжело отразившиеся на жизни и деятельности комсомола, не изживаются сразу. Они живучи. Они кроются в еще сохранившихся, чуждых духу ленинизма формально-бюрократических методах работы, в принижении роли масс комсомольцев и молодежи, в слепой вере во всемогущество хороших резолюций.

И вот тогда, как комсомольцы жадно слушают правдивое слово, они не хотят фальши, некоторые руководящие работники продолжают

замалчивать больные вопросы, уклоняются от ответа на них, страдают противной болезнью трусливой перестраховки.

На собраниях и в беседах комсомольцы спрашивали: «Знали ли вы, старые коммунисты, о «Завещании Ленина»? Как вы голосовали за Сталина? Когда начался культ личности Сталина?»

Ленин написал свое «Завещание» в декабре 1922'года — январе 1923 года, за три с половиной месяца до XII съезда, открывшегося 17 апреля 1923 года, и адресовал свои письма «Очередному съезду партии». До сведения делегатов XII съезда воля Ленина доведена не была. (Я был делегатом XII съезда РКП(б), больше того, я не верю, чтобы Ленин писал свои рекомендации очередному съезду партии и сопровождал конверт своей надписью: «Вскрыть после моей смерти».)

Сталин оттягивал оглашение воли Ленина и хотел спрятать «Завещание». Но так как об этих письмах знали другие члены Политбюро ЦК и Н. К. Крупская и требования объявить волю Ленина раздавались все настойчивее, Сталин был вынужден пойти на обнародование «Завещания» на XIII съезде партии, созванном в мае 1924 года, спустя четыре месяца после смерти Владимира Ильича.

Я был также делегатом и XIII съезда РКП(б).

«Завещание» Ильича оглашалось на собраниях делегаций съезда. В одном из малых залов Кремлевского дворца состоялось собрание нашей делегации Северного Кавказа вместе с закавказцами. За столом президиума - Микоян, первый секретарь Северокавказского крайкома партии, Орджоникидзе, первый секретарь Закавказского крайкома, и Ворошилов, член ЦК РКП(б), командовавший тогда военным округом в Ростове-на-Дону. Председательствовавший Г. К. Орджоникидзе предоставил слово Ворошилову для оглашения последних писем Владимира Ильича.

Ошеломленные слушатели внимают ленинскому предостережению:

...«Тов. Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью.

Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...»

...Прочитаны последние слова ленинского письма, ставшего известным как «Завещание». Гробовое молчание. Серго спрашивает:

«Вопросы есть?» Все молчат. А какие будут вопросы, когда мудрый вождь и учитель покинул нас, и невозможно его переспросить?

Орджоникидзе страдальческим голосом обращается к Ворошилову: «Климент Ефремович, читай снова!..»

Мы прослушали «Завещание» вторично. Потом выступили три оратора, три цекиста: Микоян, Ворошилов, Орджоникидзе. Они говорили о том, что Сталин подал в отставку с поста Генерального секретаря, что он обещал учесть замечания Ленина. Они говорили, что вокруг Сталина сплотилось большинство Центрального Комитета, подавляющее большинство коммунистов, что Сталин у гроба Ленина от имени всей партии дал клятву свято выполнять ленинские заветы, что оппозиционеры, и прежде всего Троцкий, травят Сталина. Но Троцкий, по утверждению Ленина, никогда не был большевиком, его Ленин называл «Иудушкой». Троцкий всегда боролся с Лениным, и Сталин ему ненавистен, как продолжатель дела Ленина.

Орджоникидзе, Микоян и Ворошилов призвали нас присоединиться к решению пленума ЦК, отклонившего отставку Сталина.

Так мы проголосовали за Сталина...

Некоторые утверждают, что Сталин возомнил себя всемогущим «божеством» в последние годы своей жизни, что культ личности Сталина характерен для последнего периода его руководства.

Неверно. Еще в 1923 году, в начальный период работы Сталина на посту Генерального секретаря, Ленин увидел опасность самовластия Сталина и дал этому характеристику: сосредоточение в руках Сталина необъятной власти, опасность злоупотребления этой необъятной властью, нетерпимая грубость Сталина, нелояльность его к товарищам, капризность и пр.

Ленин так и предлагал: «назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю... это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Так, к нашему общему горю, и вышло: получила решающее значение.

К этому году, первому году без Ленина, относятся факты, когда Сталин постепенно подчинял своему влиянию окружающих, исподволь готовясь к расправе над несогласными. Укрепление своей

власти Сталин хитро маскировал именем Ленина, выставляя себя верным и скромным ленинским учеником.

Весной 1924 года я был у Микояна. Анастас Иванович рассказывал об усилиях Сталина сплотить большинство в Центральном Комитете, резко отзывался о враждебном к Сталину и большинству отношении Троцкого и троцкистов. Только что отгремела дискуссия в партии и в комсомоле по поводу «нового курса» Троцкого. Троцкий пытался натравить «молодежь» на «стариков», обвинил старые большевистские кадры в буржуазном перерождении, провозгласил свободу фракций и группировок, утверждал, что «барометром» партии является учащаяся молодежь.

В «Правде» была напечатана статья членов ЦК комсомола Смородина, Леонова и других «К вопросу о двух поколениях». В ней говорилось: «Провести грань между молодежью и стариками в нашей партии — это значит сказать, что нашей Коммунистической партии будущее уже не принадлежит, подобно тому, как оно не принадлежит Каутскому, русским меньшевикам. Только там всплывает проблема «отцов и детей», где отцы стоят уже одной ногой в гробу. Мы хотели бы рассматривать рабочую демократию, новый курс партии не как замену влияния старых кадров партии взаимодействием самых различных влияний, но как еще большее по объему и еще более глубокое втягивание всей молодежи под руководящее влияние большевистских кадров партии».

Небольшая группа бывших комсомольских работников выступила в «Правде» с защитой взглядов Троцкого, но группа эта не встретила поддержки в комсомоле, да и сами эти товарищи вскоре отказались от своих заблуждений.

В Ростове мы выступили с открытым письмом, осуждающим троцкизм. Письмо подписали члены краевого бюро комсомола и активисты Ростовской организации. Письмо было опубликовано в газетах края и в «Правде». Наше ясное и решительное выступление в защиту линии партии получило одобрение партийного руководства...

Итак, в беседе о внутрипартийных делах Микоян сказал мне о раздражении Сталина поведением Н. К. Крупской после смерти Владимира Ильича.

«Крупская вздумала не отдавать Сталину, Генеральному секретарю ЦК, какие-то документы, письма Ленина», — сообщил Микоян.

«Сталин считает, она много себе позволяет. Тот факт, что она — жена Ленина, не дает ей права монопольно владеть ленинскими

документами, которые являются достоянием партии, даже если, как уверяет Крупская, речь идет о чисто личных письмах Ильича».

Микоян, как и многие цекисты, находился под сильнейшим и бесспорным влиянием Сталина и безоговорочно воспринимал его оценки людей и событий.

Сталин же, как видно, проявлял обостренный интерес ко всему, написанному Лениным, особенно в последнее время жизни Ильича, когда Ленин очень много думал о судьбах партии и продиктовал свое «Завещание» и другие письма.

6 апреля 1925 года я делал в Оргбюро ЦК РКП(б) доклад о работе комсомола в деревне. По докладу выступил Сталин с речью «О комсомольском активе в деревне» и предложил для воспитания молодого актива выпустить серию популярных брошюр по вопросам политики партии в деревне, об основных вопросах ленинизма, по советскому строительству, по агрономии, о работе комсомола, по вопросам кооперации.

ЦК комсомола очень быстро создал серию книжек, написанных известными партийными товарищами. Первой книжкой этой «библиотечки» мы дали выступление В. И. Ленина на III съезде РКСМ, назвав ее «Заветы Ленина молодежи».

И вот я снова докладываю на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) о выполнении поручения ЦК партии. Участникам заседания представлены книжки, объединенные общей папкой. Наше издательство «Молодая гвардия» быстро и хорошо оформило библиотечку.

На заседании присутствовал Сталин, председательствовал Молотов. После разговора со Сталиным Молотов уводит меня в угол комнаты и говорит:

— Вся библиотечка составлена хорошо. Только в первой книжке уберите название «Заветы Ленина молодежи». При чем тут «Заветы», что значит «Заветы»? У комсомола есть партия, ее Центральный Комитет. Зачем речь Ленина, произнесенную в двадцатом году, преподносить как «заветы», словно она какое-то «завещание» молодежи. Ленин никаких «завещаний» комсомолу не оставлял...

— Позвольте, товарищ Молотов, речь Ленина на III съезде РКСМ «О задачах союзов молодежи» мы рассматриваем как заветы Ильича молодежи, потому что она носит перспективный, программный характер.

— Кто это мы? — сухо осведомляется Молотов.

— Мы — бюро Цкамола.

— Я вам передаю пожелание Сталина.

— Сейчас мы посоветуемся.

— С кем?

— С Чаплиным.

— Пожалуйста. И внесите предложение о замене заглавия «Заветы Ленина» словами «О задачах союзов молодежи».

Чаплин, первый секретарь ЦК комсомола, был на заседании. Я уединился с ним в углу зала. Сталин хмуро посматривал в нашу сторону, посасывая трубку. Молотов вернулся на место председателя.

Разговор с Чаплиным был недолгим. «Если хотят изменить данное нами наименование ленинской книжки, пусть это делают сами».

Мы с Чаплиным поняли неприязненное отношение Сталина к словам «заветы», «завещание Ленина».

В заключительном слове я не предложил замены наименования книжки Ильича. Не предложил этой замены и Молотов, переглянувшийся со Сталиным.

Наша «библиотечка» открывалась книжкой «Заветы Ленина молодежи» — речью В. И. Ленина на III съезде комсомола. Эта речь вошла в историю ВЛКСМ как ленинские заветы комсомолу.

В 1925 — 1927 годах членом бюро ЦК комсомола и членом президиума Исполкома Коминтерна, молодежи работал Бесо Ломинадзе. До этого он был первым секретарем ЦК партии Грузии.

Бесо был близок к Орджоникидзе и Микояну. В те годы он нередко бывал у Сталина. В 1938 году Ломинадзе покончил с собой, узнав, что в НКВД сфабриковано на него «дело» и Сталин фактически дал уже санкцию на его арест, лицемерно предложив предварительно потребовать от Ломинадзе письменные показания по поводу заведомо клеветнических обвинений.

Ломинадзе был вызван в Челябинск первым секретарем областного комитета партии Рындиным. Бесо был тогда первым секретарем Магнитогорского горкома партии.

Ломинадзе написал письмо в Центральный Комитет, записки членам бюро Магнитогорского горкома и жене, а подъезжая в автомашине к Магнитогорску, застрелился...

Возвращаюсь к двадцатым годам. Раз Бесо зашел ко мне в ЦК комсомола.

— Я был у Сталина, — сказал он. — У него лежит на столе изданная в Тбилиси брошюра Берия «К истории закавказских коммунистических организаций» — доклад на собрании местного актива. Сталин иронически показал пальцем на брошюру: «Вот полюбуйся, новоявленный историк объявился. Известно, что работа эта составлена молодыми историками Грузинского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина. Авторы, естественно, принесли свой труд до его опубликования секретарю крайкома партии. А этот последний созвал актив, прочел на активе чужой труд и опубликовал его от своего имени. Как тебе нравятся такие нравы?» — И Бесо показал, как Сталин брезгливо взял двумя пальцами эту книжонку и отшвырнул на край стола. — Ты понимаешь, Сталину претит подхалимство Берия, он видит этого карьериста насквозь, он хочет быть выше подобных приемов восхваления его личности.

Ломинадзе, как и многие, желаемое выдавал за действительное. Сталин же был коварным, лицемерным и беспринципным.

«Без него» и «за него» Молотов и Каганович дали указание заведующему Партиздатов Бройдо переиздать книжонку Берия, извращавшую исторические факты в угоду Сталину.

На заседании Секретариата ЦК партии я увидел у Бройдо сигнальные экземпляры книжки.

— Сталину же не понравилась эта книжка, мне говорили об этом со слов Сталина, — сказал я Бройдо.

Бройдо посмотрел на меня, насмешливо улыбнулся и не ответил...

Вспоминается такой случай. Поздно вечером Сталин позвонил мне домой. Сказал, что утром у меня будет Харитонов — первый секретарь Уральского обкома партии, член ЦК РКП(б). Он приехал в Москву протестовать против смены пленумом областного комитета комсомола секретаря обкома комсомола, сторонника взглядов Зиновьева. Мы в ЦК комсомола одобрили эту замену. Сталину это было известно.

Сталин сказал мне по телефону: «Не обращайтесь на настояния Харитонova. Ваши действия правильные. Не удивляйтесь

ссылкам Харитонов на меня, Сталина. Повторяю, не удивляйтесь. Понятно?»

Утром Харитонов бушевал у меня в комнате. (Чаплин был где-то в отъезде.) Я объяснил ему, что пленум областного комитета комсомола по уставу правомочен сменить своего секретаря. Новый товарищ способен лучше сплотить актив комсомола вокруг линии партии. И я, и другие секретари ЦК комсомола одобряют решение уральских комсомольцев.

Тогда Харитонов заявил, что он вчера был у Сталина. Сталин считает протест Харитонova основательным, сказал, что ничего не знает о позиции секретариата ЦК комсомола, сожалеет, если секретариат Цекамола одобрил решение уральских комсомольцев и не посчитался с мнением, высказанным первым секретарем Уралобкома Харитоновым. Сталин предложил Харитонову пойти в Цекамол и переговорить со мной.

Харитонов бушевал, называл мою позицию безответственной, мальчишеской. А меня не покидала мысль — Сталин предупредил вчера: «Не удивляйся». Но надо ли было ему отречься от того, что он сам знал и одобрил?

Разъяренный Харитонов снова помчался к Сталину. А ко мне вскоре пришел Ломинадзе. «Встретил Харитонova. Ругает тебя, ссылается на Сталина, говорит, что Сталин удивлен твоей безответственностью. Харитонов тебе передал указание Сталина, а ты в ответ лишь усмехнулся. Неужели правда? Что это значит?»

Я «сразил» Ломинадзе рассказом о предупреждении Сталина — не обращать внимания на крики Харитонova и не удивляться ссылкам Харитонova на беседу его со Сталиным. Бесо широко раскрыл глаза и пробормотал: «Не понимаю, зачем, ему надо прибегать к подобным методам».

Спустя полчаса раздался телефонный звонок. Я услышал голос Сталина: «Молодец, Мильчаков! Харитонов прямо бесился... Вы оказали большую услугу Центральному Комитету».

Я положил трубку и задумался. От всей этой истории осталось какое-то смешанное чувство...

...В 1939 году в этапном лагере под Красноярском неожиданно встретился я с Харитоновым. Было это возле крайнего барака, на «площади слез наших матерей», как с горькой иронией называли эту площадку заключенные. Харитонов устремился ко мне:

— А ведь я тогда понимал, что Сталин одобрил твоё поведение и только себя хотел изобразить сторонником единства, «апостолом в белых одеждах». Руками одних он устранял других. Вашими руками он уничтожал всяческие оппозиции, а теперь дошла очередь и до вас. Вы ему не нужны, слишком много знаете. И стали «ненадежными», развенчавшими в душе кумира своего...

Я ушел, от кричавшего Харитонов. На сердце давно лежал камень. Боль он причинял нестерпимую...

В разгар борьбы с зиновьевцами и троцкистами накануне XIV съезда партии, когда комсомол и его актив играли немалую роль во внутрипартийной борьбе, Сталин особенно часто беседовал с нами, секретарями ЦК комсомола.

Раз он пригласил Николая Чаплина и меня к себе домой. В назначенный час мы стояли у дверей сталинской квартиры. Позвонили. Дверь открыла Аллилуева, пригласила войти, а сама ушла в другую половину квартиры.

Мы оказались в комнате, уставленной книжными полками. В глубине через раскрытую дверь виден кабинет, письменный стол, лампа. Сталин стоя разговаривал по телефону. Он вышел к нам, поздоровался, пригласил сесть: «И курите, не стесняйтесь».

Сталин решил в домашней обстановке, спокойно и неторопливо поговорить с нами о положении в партии и расспросить об обстановке в комсомоле.

Он подробно говорил об оппортунизме Зиновьева и Каменева, об их «штрейкбрехерстве» в октябре, брал с полки книги Ленина, зачитывал ленинские характеристики Зиновьева и Каменева. Останавливался на последних ошибках зиновьевцев, на их «вылазках» в ленинградской печати. (Разговор происходил накануне XIV съезда партии.) Он едко высмеивал их отрыв от практики, от жизни, называя их интеллигентами, вельможами, ничего не смыслящими в деревенской жизни.

Далее Сталин раскритиковал Бухарина, снова привлекал ленинские оценки теоретических заблуждений Бухарина. «Досталось» Бухарину и за правый уклон, и за «всегдашнее трусливое примиренчество», и за совпадение его взглядов с настроением Н. К. Крупской, «которая скатывается в объятия оппозиции»...

Казалось, все на своем месте; секретарь партии учит уму-разуму молодых коммунистов, секретарей комсомола. Но Сталин не мог скрыть да и не скрывал своей личной неприязни к названным лицам.

Он говорил о них с раздражением. Получалось, что лидеры оппозиции и «примиренцы к ним» — люди конченные, отпетые враги. Сталину заранее известно, что в лоно партии они не вернутся, вопрос их отсечения — лишь дело времени.

Поразил нас заключительный штрих в беседе. Сталин прошел в кабинет, взял со стола картонку, как оказалось, со списком членов и кандидатов ЦК и показал ее нам:

— Абсолютное большинство в ЦК — за генеральную линию партии, оппозиционеров всех мастей — меньшинство. Есть еще незначительная кучка людей, представляющих «болото». Таким образом — все ясно. Оппозиционерам — крышка.

Когда мы собрались уходить, Сталин сказал:

— Я провожу.

Он накинул на плечи меховой пиджак, надел на голову шапку-ушанку и вышел с нами.

Часовому, кремлевскому курсанту, он показал книжечку члена Президиума ЦИК СССР и промолвил:

— Пропустите товарищей, они были у Сталина.

Медленно шли мы домой, в гостиницу «Париж» в Охотном ряду, именовавшуюся тогда Домом Советов.

— Ну как, что скажешь?

— Все бы хорошо, да уж больно он злой...

— Да, их он ненавидит.

— Он для себя, как видно, давно решил вопрос об их судьбе, из ЦК их уберут...

— А список цекистов с пометками: «за», «против», «болото»?.. Организатор он отменный, у него все подсчитано...

— Но Ильич не хотел, чтобы лидер партии обладал такими чертами характера, как грубость, нелояльность к товарищам...

— Он их давно не считает товарищами, он и нам внушает: это — враги, враги, враги...

* * *

26 января 1934 года в Кремле открылся XVII съезд ВКП(б), вошедший в историю партии как «съезд победителей».

Социалистическое хозяйство и культура достигли больших успехов. Любимец партии Киров произнес на съезде вдохновенную речь и воскликнул, говоря о нашем богатырском росте, что хочется жить и жить, радостно строя коммунизм.

Я живо помню, будучи делегатом съезда, атмосферу подъема, царившую на съезде. И все взволнованно приветствовали Кирова, выразившего общее настроение.

Все оппозиции были давно разбиты и лидеры оппозиций признали свое полное поражение и склонили повинную голову перед волей партии и ее дисциплиной, перед единодушием «съезда победителей».

Бухарин говорил о «замечательно правильной генеральной линии партии» и признал полностью оправданным и неизбежным «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции как главной опасности, т. е. той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

Он восхвалял руководство «славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина».

Зиновьев клялся: «Я изжил полностью, до конца, всю ту свою антипартийную полосу, которая привела меня в такое положение отчуждения от партии, в котором я был целый ряд лет. Я понял полностью и до конца те гигантские ошибки, которые я совершил. Это была целая цель ошибок... особенно в свете моих октябрьских ошибок».

О съезде Зиновьев сказал: «Настоящий съезд есть триумф партии, триумф рабочего класса».

Каменев с трибуны съезда твердил об «эпохе Сталина» и приветствовал его, как «нашего вождя и командира». Свое положение Каменев заклеил определенным образом: «Я считаю того Каменева, который боролся с партией и ее руководством, с 1925 года по 1933 год, политическим трупом»...

Ломинадзе охарактеризовал Сталина как «великого преемника Ленина».

Преображенский призывал: «Голосуй с товарищем Сталиным — не ошибешься». Осинский пел дифирамбы Сталину — «вождю мирового коммунизма, организатору великих побед».

Томский уверял, что он «готов защищать от начала до конца всю линию партии, каждый ее практический шаг», а о Сталине славословил: «Сталин — великий инженер социалистического строительства, вождь всего рабочего класса».

Киров очень метко отозвался о положении бывших оппозиционеров: «Им очень трудно стать на партийные позиции... Еще некоторое время пройдет, пока вся эта обозная рать вольется в нашу победную коммунистическую армию».

И Сталин мог торжествовать победу. Мог бы...

Но он не чувствовал себя спокойным, пока были физически живы его противники («соперники»), пока жили те, кто работал с Лениным и знал о настороженном, а потом и отрицательном отношении Ленина к Сталину, пока оставались живы старые большевики, которым были ведомы антиленинские ошибки Сталина еще в дооктябрьский период истории партии и которым претило нараставшее восхваление Сталина и безудержно раздувавшийся культ его личности. Он не чувствовал себя спокойным, потому что слишком многим был известен и очевиден его моральный облик, политическая беспринципность, грубость и жестокость. У Сталина, по-видимому, созрел план последовательного беспощадного уничтожения всех, кто мог помешать его неограниченной власти, кто сомневался или мог сомневаться в правильности его действий, с тем чтобы запугать остальных.

Между тем именно на «съезде победителей» при тайном голосовании нового состава Центрального Комитета фамилия Сталина была зачеркнута большим числом делегатов, чем на предыдущих съездах. Прежде, тем более при Ленине, результаты голосования оглашались на съездах. Теперь завели порядок называть только фамилии избранных.

Члены счетной комиссии, выбранной съездом, видели, как Ежов угодливо потащил к Сталину все бюллетени, отмеченные вычеркиванием его имени. Сталина охватила ярость. Ежов учинил тщетный розыск: кто, кто? А раз невозможно установить кто, под подозрение попадают все делегаты съезда. Кстати, в числе делегатов не было представителей разгромленных оппозиций. Их давно никуда не выбирали.

Тот же Ежов делал на съезде доклад мандатной комиссии. На съезде было 1225 делегатов с решающим голосом и 736 делегатов с совещательным голосом. В числе делегатов с решающим голосом восемьдесят процентов были товарищи, вступившие в партию в годы

подполья и гражданской войны (до 1920 года), семьдесят пять процентов делегатов являлись участниками гражданской войны. Подпольщики и члены партии с 1917 года составляли сорок процентов делегатов. Удельный вес коммунистов-подпольщиков и со стажем до 1920 года равнялся десяти процентам, тогда как на съезде эти коммунисты, подпольщики и вступившие в партию в годы гражданской войны составляли восемьдесят процентов и определяли лицо съезда.

И вот во время «съезда победителей» и последовавших за съездом пленумов Центрального Комитета среди части видных деятелей партии и руководителей местных организаций началось обсуждение вопроса о формах освобождения Сталина от поста Генерального секретаря ЦК, о запоздалом выполнении рекомендации В. И. Ленина, данной в «Завещании». Высказывалось предположение сделать Сталина главой правительства — председателем Совнаркома, упразднив пост Генерального секретаря ЦК. В ЦК же создать нормально действующий секретариат, как коллективный руководящий орган, избрав одного секретаря первым секретарем ЦК. В качестве первого секретаря Центрального Комитета партии дружно называлась кандидатура С. М. Кирова.

Сталин узнал об этих разговорах и предположениях.

Кристально чистый человек, истинный коммунист-ленинец Киров сам честно и доверчиво рассказал ему все. Киров не мог не напомнить Сталину о завещании Ильича, о том, что Сталин не выполняет «завещание», хотя и обещал Центральному Комитету свято следовать указаниям Ленина.

Потрясенный Сталин лицемерно поблагодарил Кирова за информацию.

— Ты оказываешь партии великую услугу, я этого никогда не забуду,
— сказал Сталин.

Почти три десятилетия отделяют нас от середины тридцатых годов. Остались в живых немногие участники и свидетели минувших событий.

Весной 1962 года я был в Ленинграде и встречался с товарищами, выжившими после ужасов репрессий, многолетнего пребывания в тюрьмах и лагерях. Репрессии превратили их в преждевременно состарившихся, физически искалеченных людей. Но дух их не сломлен. Они сочли своим долгом довести до сведения Центрального Комитета партии все, что знают об обстоятельствах, предшествовавших убийству Кирова.

Сталин послал в Ленинград некоего Запорожца, назначенного заместителем начальника Ленинградского управления НКВД, и предложил Кирову назначить Запорожца начальником Управления НКВД в Ленинграде. Киров решительно воспротивился:

«Пока я секретарь Ленинградского губкома — этого не будет!»

Запорожец остался заместителем.

А в Москве на заседании Политбюро ЦК Сталин обрушился на Кирова, едва дослушав его сообщение о работе Ленинградского губкома. Сталин обвинил Кирова в «гнилом либерализме» и отсутствии бдительности по отношению к зиновьевцам.

— По данным НКВД, — сказал он, — зиновьевцы ведут подпольную подрывную деятельность. Среди них культивируются и зреют террористические настроения. Зиновьев возглавляет штаб заговорщиков и террористов...

— Неправда, нет этого! — протестовал Киров.

— Если нет, так должно быть так! — отрезал Сталин.

Публикация Натальи Мильчаковой.